
СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Громыко Ал.А.</i> Потерянная свобода, обретенная свобода?	5
<i>Шिशелина Л.Н.</i> Вишеградская четвёрка: 25 лет на карте Европы.....	9
<i>Вагнер П.</i> Нельзя войти дважды... ..	27

ВИШЕГРАДСКИЕ СТРАНЫ НА ФОНЕ КРИЗИСА

<i>Бабынина Л.О.</i> Страны Центральной Европы в ЕС: особенности регионального участия	32
<i>Потемкина О.Ю.</i> Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы	36
<i>Кандель П.Е.</i> “Вишеградская четвёрка” за украинским рубежом	46

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВИШЕГРАДСКОГО РЕГИОНА

<i>Дрыночкин А.В.</i> Проблемы экономической оценки трансформационного развития Вишеградских стран	50
<i>Вейнер Ч., Калотаи К., Элтетё А., Шашиш М.</i> Российские инвестиции в Вишеградских странах: кладбище теорий	60
<i>Габарта А.А.</i> Опыт региональной интеграции и сотрудничества в рамках Вишеградской группы	76

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЁРКИ

<i>Лыкошина Л.С.</i> Десять лет спустя: о выборах 2015 г. в Польше	89
<i>Лисякевич Р.</i> Основные причины обострения отношений между Польшей и Россией	99
<i>Щербакова Ю.А.</i> Проблемы европейской безопасности: взгляд из Праги ..	114

ВИШЕГРАДСКИЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Ведерников М.В. Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны 122	122
Буневич Д.С. Поляки на Востоке. История и современность 130	130
Фединец Ч. Некоторые языково-политические аспекты русинско-украинского дискурса 139	139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О X международной научной конференции “Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях” 153	153
Вишеградский круглый стол в Российском совете по международным делам 155	155

РЕЦЕНЗИИ

Щербакова Ю.А. Страны Восточной Европы в XX веке: современные интерпретации прошлого 156	156
Русакова М.Ю. Россия и страны Вишеградской группы: испытание Украиной 157	157
Лыкошина Л.С. Восточное партнёрство 2009–2014 159	159

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 160

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

* * *

=====
УДК 316.7

Чилла ФЕДИНЕЦ

НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУСИНСКО-УКРАИНСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. С точки зрения языковой политики, существует ряд проблем, в отношении украинского-русинского языков, на которые можно ответить только в более широком политическом и историческом контексте. В отличие от модели Западной Европы один народ – один язык в многоязычных и многонациональных империях Восточной и Центральной Европы в течение длительного времени язык и нация не было столь однозначно связаны. Тем не менее с начала XIX века вместе с национальными и языковыми движениями романтизма в Европе – политические движения появились и среди меньшинств империй, которые сосредоточились на вопросах языка. Кодификация литературного языка происходит параллельно с укреплением национального статуса. Проблематика украинско-русинского языка, или диалекта, была переплетена с вопросом национальной независимости. В отсутствие государства инструменты самоопределения языково-культурные и даже после появления независимого украинского государства это осталось ключевым вопросом. В статье украинско-русинский вопрос рассматривается в три этапа: от эпохи Просвещения до Первой мировой войны, от Первой мировой войны до распада Советского Союза и с 1991 года по сегодняшний день.

Ключевые слова: русинский или украинский язык, дискурс о языках, языковая политика.

Научная литература, занимающаяся понятием “нации” в Европе, различает их западный и центрально-восточный путь развития. На Западе национализм выступает объединяющим движением, а в Центральной и Восточной Европе – на протяжении XIX в. является сепаратистской тенденцией. Сергей Екельчик, рассматривающий историю Украины с точки зрения становления современной нации, эту разницу объясняет следующим образом: “Украинское и русское слово „нация“ означает не совсем то же, что английское *nation*, которое обычно употребляется как синоним понятия „государство“. В украинском языке нация (*нація*) – это этническая общность людей, объединенных происхождением, языком и культурой, но не обязательно имеющих собственное государство” [Екельчик, 2010: 21]. Отличия между двумя пониманиями нации хорошо прослеживаются до Первой мировой войны, когда “в западной части континента доминировали национальные государства, а в восточной и центральной – многонациональные империи” [Екельчик, 2010: 21].

© **Фединец Чилла** – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института национальных меньшинств Венгерской академии наук. **Адрес:** 1014 Будапешт, ул. Орсагхаз, 30. **E-mail:** fedinec.csilla@tk.mta.hu

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62015139152>

Прочитируем признанного эксперта в области национального строительства чешского историка М. Хроха (Гроха): “В промежутке между отправным пунктом любого конкретного национального движения и его успешным завершением можно выделить три структурные фазы, согласно характеру и роли действующих в них сил и степени национального самосознания, развивающегося в рамках этнической группы как целого. В течение начального периода, который я назвал фазой А, энергия активистов национального движения была прежде всего направлена на тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы и на закрепление этих фактов в сознании соотечественников <...> Во втором периоде, или в рамках фазы В, появилось новое поколение активистов, которые отныне пытались завоевать как можно больше сторонников из числа представителей своей этнической группы для реализации планов по созданию будущей нации <...> Как только подавляющая часть населения начинала придавать особое значение своей национальной идентичности, формировалось массовое движение, которое я назвал фазой С <...> Во всех случаях ясно то, что современный процесс строительства наций начинался со сбора информации об истории, языке и обычаях недоминантной этнической группы, – информации, которая стала решающим элементом первой фазы патриотической агитации” [Хрох, 2002: 121–145]. Эти наблюдения о национальных движениях народов, не обладающих многовековой государственностью, касаются также украинского и русинского движений, начавшихся на рубеже XVIII–XIX вв.

“И хотя я чувствую, что должен отдавать все свои силы родному языку и родной письменности, но всё-таки мне кажется, что, работая и на русском языке, я не изменю интересам моей родины” [Франко, 1986: 254], – писал Иван Франко (1856–1916), прозаик и поэт родом из Галичины, знаковая фигура украинской литературы, сыгравший важную роль в модернизации украинского национального движения. Эти мысли, сформулированные в 1904 г., до сих пор являются актуальной дилеммой в украинском контексте касательно того, какая же взаимосвязь существует между “языком” и “патриотизмом”.

Происхождение славян до сих пор является дискуссионным вопросом среди историков. Нет достоверных аргументов, подтверждающих, что они проживали на евразийской равнине до VI в. Нерешённым остаётся и вопрос их прародины, большинство историков считает, что это центральная и восточная часть современной Польши, а также северно-западная часть Украины. В IX в. восточнославянские племена объединили варяги (в западной литературе викинги или норманны), создав государство под названием Киевская Русь, которая позже попала под влияние византийской церкви [Екельчик, 2010: 33–34]. Как украинцы, так и белорусы, и россияне заявляют свои права на наследство Киевской Руси, так же как, к примеру, Германия и Франция в равной мере считают империю Карла Великого “своим” государством. В украинской истории эта глава принадлежит к общему вместе с другими народами наследию, но есть разделы, которые являются самостоятельными, несмотря на отсутствие государственности [Екельчик, 2010: 51].

Общим историческим наследием является и языковой вопрос. И в царской империи, и в Советском Союзе русский язык был средством коммуникации и языком власти. В России и Польше, перенявших влияние западной идеологии модернизации, чтобы противостоять процессам гомогенизации и ассимиляции, на

рубеже XVIII–XIX вв. интеллигенция, считающая себя украинской, принимает окончательное решение касательно украинского литературного языка. Для старой украинской элиты литературный язык обобщался со старославянским языком, на основе которого формировался и русский язык. Элита новой генерации для усиления отличий от русского языка обновление украинского языка базировала на народном разговорном языке. Григорий Сковорода (1722–1794), Иван Котляревский (1769–1838) и их последователи основали языковой вариант, усвоив который, носители современного украинского языка намного труднее понимают старые языковые элементы, чем, например, носители современного английского языка тексты В. Шекспира. Национальное пробуждение, начавшееся на языковой основе, принимает политическую форму во второй половине XIX в. [Грицак, 1996: 44] Украинский национализм представляла очень узкая прослойка интеллигенции, их движение до Первой мировой войны не было массовым. Украинафил Е. Чикаленко в своих воспоминаниях без всякой иронии писал, что если в 1903 году с поездом, в котором с Киева в Полтаву на открытие памятника Котляревскому ехали активисты движения, случилось бы несчастье, это на долгое время парализовало бы национальное движение¹. Среди русских мыслителей также были такие – например, Александр Иванович Герцен (1812–1870), Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) – кто, противопоставляя свою позицию великорусской национальной идеологии и русификации, поддержали принцип национального самоопределения, в том числе и для “малороссов” (то есть украинцев) [Миллер, 2000: 221].

Интеллигенция, идентифицирующая себя украинской, первую попытку отделить историю украинских этнических территорий от истории российской империи сделала в эпоху романтизма. Но первых настоящих успехов в этом добился Михаил Сергеевич Грушевский (1866–1934), который описал тысячелетнюю историю украинского народа, начиная с эпохи Киевской Руси. Он сыграл ведущую роль в направлении украинского национального движения в политическое русло, а также стал первым президентом непризнанной на международной арене Украинской Народной Республики в период гражданской войны после распада царской России. Грушевский стал практическим реализатором созданной в теории национальной идеи. Конституция Украинской Народной Республики заняла толерантную позицию касательно нацменьшинств: “Каждая из населяющих Украину наций имеет право в пределах УНР на национально-персональную автономию, т.е. право на самостоятельное устройство своей национальной жизни <...> Это неотъемлемое право нации, и ни одна из них не может быть лишена этого права или ограничена в нем.” (§ 69)². Историк был убежден, что полнота национальной жизни, достичь которой мы желаем для украинского народа, не должна подавлять другие народы и ограничивать их культурное и национальное развитие [Грушевский, 1991: 103]. По мнению ученого, принадлежность к (велико)русскому этносу определяют “происхождение” или “воспитание” [Грушевский, 1991: 105]. “Мы как раз

¹ Цит.: [Миллер, 2000: 231].

² Конституція Української Народної Республіки. (Статут про державний устрій, права і вільності УНР.). Текст доступен по адресу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0002300-18> (здесь и далее дата последнего посещения 6.IX.2015).

считаем, что Украина не только для украинцев, а для всех, кто живет в Украине, и если он здесь живет, то и любит, работает и служит на благо своей земли и народа, не присваивает, не использует в личных целях” [Грушевський, 1991: 106]. Чем больше будет солидарных с нами не украинцев, – утверждал он, – тем легче будет украинцам, и именно поэтому они только могут радоваться таким массам [Грушевський, 1991: 106]. Принцип “Украина для украинцев” провозглашает только узкое меньшинство, для преданных приверженцев национальной украинской идеи, прогрессивного украинства он полностью недопустим.

Наряду с “сепаратистами”, то есть “украинцами”, поддерживающими идею самостоятельного государства, по сегодняшней день остались приверженцы школы, согласно которой этноним “русины” (латинизированный вариант “рутены”) является самоназванием средневекового восточнославянского населения, с которого в процессе развития наций сформировались современные русские, белорусы, украинцы и также карпатский русинский этнос. В вопросе карпатских русинов встречаем разные точки зрения – от пассивности до политической экстремальности. Самое сильное направление не думает о собственной государственности, его максимальная цель – признание русинов отдельной нацией и языковая кодификация³. В этом понимании историю Украины надо писать не как историю украинского народа, а рассматривать прошлое созданного государства сквозь призму историй народов, живущих на его территории⁴.

Место проживания карпатских русинов – южный конец Польши и северо-восточный Словакии, приграничная полоса Украины (то есть Закарпатье) и северо-центральная территория Румынии [Himka, 1999: 150–153]; [Magocsi, 1997: 301–334], [Магочій, 2011: 258–267]. В 1906 г. М. Грушевский написал так: “На наших глазах прозябает Венгерская Русь, разорвав свои живые и сильные когда-то связи с соседней Галицией <...> Галичина не может допустить отделение от Украины, чтобы стать ей чужой, как стала чужой Галичине Венгерская Русь, которая вызывает своей судьбой платонический вздох, но ничего больше” [Грушевський, 2000: 180–187].

В январе 1918 г. президент США Вудро Вильсон (1856–1924) провозгласил идею национального самоопределения как возможного средства окончания Первой мировой войны. Под влиянием этого политическая элита национальных меньшинств, эмигрировавшие из Австро-Венгерской монархии, в апреле 1918 г. в Риме созвала конгресс национальностей, на котором было провозглашено, что представители национальностей монархии не хотят дальше оставаться в рамках

³ Склокін В. Павло-Роберт Магочій: На Закарпатті ми робимо те, що рух громадівців робив в Україні в ХІХ столітті. 07 червня 2012. Текст доступен по адресу: <http://historians.in.ua/>. Британський антрополог Е. Сміт цитує свого учителя і опонента Е. Геллнера: “Із почти 8 тис. мовних груп, існуючих на планеті, лише невелика частина (около 200) суміла перетворитися в нації, володіючи власними державами, а якщо додати досить більше число (около 600) інших, прагнуть створити власні держави, в сумі буде 800. Коли лише десята частина культур прагне стати націями, едва ли при визначенні поняття ми можемо використовувати одну тільки загальну культуру”. См.: Сміт Е. Д. Націоналізм і модернізм: Критический огляд сучасних теорій націй і націоналізму. М., 2004. С. 66.

⁴ См.: [Magocsi, 2010]; [Магочій, 2012].

империи, а требуют создание независимых государств. “Четырнадцать пунктов” предусматривали частности: открытые мирные договоры; предоставление народам Австро-Венгрии возможности для автономного развития; создания Лиги наций⁵. “На основании этого права карпатские украинцы, или, как они себя называли, русины, также заговорили о своих естественных правах на самоопределение” [Химинец, 1984: 3].

Одним из последствий поражения Центральных государств в первой мировой войне стал распад Австро-Венгерской империи. 16 ноября 1918 была провозглашена “независимая и самостоятельная” Венгрия, правительство которой намеревалось удержать в составе Венгрии области со славянским и румынским населением, стремилось сохранить исторические границы “Великой Венгрии”. Министр без портфеля по делам национальных меньшинств политик либерально-радикального толка Оскар Яси (1875–1957) был одним из инициаторов образования на территории бывшей Дунайской монархии “Восточной Швейцарии” – конфедеративного государственного образования, которое должно предшествовать формированию Соединённых Штатов Европы⁶. В соответствии с этим планировалось решить и вопрос “рутенев”. 21 декабря 1918 г. принят, а 25 декабря опубликован Народный закон №10 “Об автономии Русской Нации, живущей в Венгрии”, который впервые в истории венгерского законодательства предусматривал создание по национальному признаку на территории государства, а именно современного Закарпатья новой административно-территориальной единицы под названием Русская Краина. Первый параграф этого закона провозглашал, что “Русской Нации, живущий в рамках Венгрии, принадлежит полное право на самоопределение в участках внутренней администрации, законодательства, публичных школ и обучения, её народной культуры, практикования и обучения религии и употребления языка”⁷. Однако единственной целью венгерских властей было сохранение территории в составе Венгрии.

Следующим этапом стало присоединение региона под названием Подкарпатская Русь к Чехословацкой Республике. Согласно Сен-Жерменскому мирному договору от 10 сентября 1919 г., Чехословацкая Республика обязывалась территорию организовать как автономную единицу, установить автономные сборы, которые должны получить законодательную власть об образовании, религии и пользовании языками, а также в вопросах местной администрации. “Подкарпаторусский народ, проживающий теперь в области, которую мы называем Подкарпатской Русью, с давних времён был оторван политически и географически от своего первоначального национального ядра. Его территория никогда не представляла географического, а тем менее политического целого, и не имела поэтому до сих пор своей собственной политической истории. Таким целым она стала только тогда, когда в качестве автономной области она была присоединена к чехословацкому государству <...> За оставление Подкарпатской

⁵ См. “Четырнадцать пунктов” президента США В. Вильсона об условиях мира из его послания Конгрессу от 8 января 1918 г.
http://www.istorik.ru/library/documents/fourteen_points/index.htm.

⁶ Szarka L. Duna-táji dilemmák. Nemzeti kisebbségek – kisebbségi politika a 20. századi Kelet-Közép-Európában. Вр., 1998. С. 113–125.

⁷ Закон Угорського парламенту про автономію „Руської країни” в рамках Угорщини (25 грудня 1918 р.). Текст доступен по адресу: <http://textbooks.net.ua/content/view/1083/17/>.

Руси в рамках новой Венгрии, лишенной словаков, хорватов, румын и части немцев, не высказывался также никто. Между союзниками и на мирной конференции не было ни одного голоса за это. Также не было сомнения в том, что Подкарпатская Русь в Венгрии остаться не может”⁸. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) в декабре 1919 г. по этому поводу записывает в свой дневник: “В газетах известие о создании автономии Карпатской Руси в Чехии. Удивительная судьба Венгерской Руси! её судьба всегда глубоко меня интересовала – но я никогда не думал, чтобы можно было дожить до такого факта, который теперь происходит. Помню мои разговоры о Венгерской Руси с Драгомановым⁹, который считал каким-то священным долгом её защиту. О том же я имел долгий разговор в Москве с М.С. Грушевским. И тот, и другой считали её положение почти безнадежным”¹⁰.

На основе закона о языках (1920) и постановления о его исполнении русским (малороссийском) языком можно было пользоваться на территории всей Подкарпатской Руси. Прага утвердила закон об автономии Подкарпатской Руси только 25 ноября 1938 г. Правительством А. Волошина вводится украинский язык как государственной в автономном крае. Согласно §1 “Распоряжения правительства Подкарпатской Руси с 25 ноября 1938 г. о государственном языке”, “государственным языком в стране Подкарпатской Руси является язык украинский (малороссийский)”. В тот же день было издано распоряжение с подписью Волошина “О языке обучения”, где в §5 фиксируется, что “под языком обучения в школах (украинских-малороссийских) относительно великорусских надо понимать литературный язык украинский (малороссийский)”. 14 марта 1939 г. в законе о создании независимого государства Карпатской Украины §4 утверждал, что “Государственным языком Карпатской Украины является украинский язык” [Черничко, Фединець, 2014: 67–90].

В период Второй мировой войны Венгерское королевство также обещало населению Закарпатья автономию. Введением автономии на национальной основе без какого-либо международного политического давления, тогдашняя Венгрия могла изменить традиции обычного права в реализации власти. Добровольное создание русинской автономии стало бы прецедентом в Европе. Однако этот исторический шанс не был использован. Государственное управление регионом осуществлялось согласно приказу премьер-министра №6200 от 1939 года. Этот документ вводил в крае официальное двуязычие. Согласно пункту (1) §11 “на территории Подкарпатья официальным языком государства является венгерский и угро-русский”. Наряду с обеспечением национальных, языковых и культурных прав для русинов власть однозначно задекларировала венгерскую супремацию. Власть должна решить, какой язык наряду с венгерским она считает в регионе вторым государственным: великорусский (русский), украинский (малороссийский) или языковой вариант, основанный бы на местных славянских говорах (русинский). В период Подкарпатской Руси из трёх языковых вариантов преимущество получил украинский, Венгрия же из трех конкурирующих языковых направлений в крае

⁸ См.: [Бенеш, 1934].

⁹ Речь идёт о Михаиле Петровиче Драгоманове (1843–1895), украинском историке, философе, государственном деятеле.

¹⁰ Цит. [Мазурок, Пеняк, Шевера, 2003: 13].

однозначно поддержала русинский, снисходительно относилась к великорусскому и практически запретила украинскую языковую линию [Черничко, Фединець, 2014: 131–181].

18 октября 1944 г. немецкое командование разрешило закарпатским венгерским силам постепенно отойти из Карпатского хребта к линии Тиса – Чоп – Ужгород – горы Вигорлат, а войска 4-го Украинского фронта после отступления венгерских частей заняли линию Арпада. Через неделю советские и румынские военные соединения вышли к границам, существовавшим до Второго Венского арбитража (1940). С 5 ноября в Ужгороде ввели московское время в прямом и переносном смысле.

В Советском Союзе не существовало “русинского вопроса”, и официально не признавалось существование русинов. Историки-марксисты, работавшие над Большой советской энциклопедией, фокусировались на написании историй отдельных союзных республик и областей. Национальная украинская историография была представлена диаспорными украинскими историками, эмигрировавшими на Запад. Их работы повлияли на украинскую историческую науку только после провозглашения независимости. В советское время отклонением от социалистической регламентации был самиздат, особенно сильное влияние имела работа Ивана Дзюбы “Интернационализм или русификация”. Он утверждал: настоящая антиукраинская политика состоит не в запрете говорить на украинском языке, а в том, что создаётся такая ситуация, когда люди сами не хотят этого [Мельник, Черничко, 2010: 670].

Казалось бы, что Советский Союз, созданный в 1922 г., решил накопившиеся национальные вопросы, и мог бы даже стать экспортером таких решений. Но ни одно социалистическое государство не спешило автоматически их скопировать: Румыния, например, вопреки большому количеству нацменьшинств оставалась национальным государством, а Чехословакия и Югославия, хотя и напоминали советскую модель, однако чехи и сербы не имели такого доминантного положения, как русские в Советском Союзе. В.И. Ленин критически относился к идее советского государства чисто русского типа, поэтому в 1922 г. воспрепятствовал принятию предложения народного комиссара по делам национальностей Й.В. Сталина о том, чтобы Украина, Белоруссия, Армения, Грузия и Азербайджан стали автономными республиками Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), а не республиками в составе Советского Союза. Позднее Сталин реализовал свою цель путем постепенного ограничения прав союзных республик, зафиксированных в первой конституции, а также путем полной централизации страны.

В сельской местности язык обучения зависел от родного языка большинства местного населения, но в городах подавляющее большинство составляли школы с русским языком обучения. После Второй мировой войны общим стало подчеркивание величия русского народа, в то время как представителей малочисленных народов (немцы, калмыки, балкарцы, кабардинцы, чеченцы, крымские татары, месхетинские турки) массово депортировали. При Н.С. Хрущёве депортированным народам, за исключением немцев, крымских татар и месхетинских турков, было разрешено вернуться домой, в то же время первый секретарь выступил с предложением, чтобы в школах язык союзной республики был на выбор, а не обязательным учебным предметом. Несмотря на протесты, в

национальных школах обязательным языком стал только русский, язык республики знать было не обязательно. В годы становления Советского Союза было очевидно, что самым эффективным средством интеграции народов, живущих в стране, является языковая ассимиляция¹¹.

Одной из особенностей советской языковой политики и языкового планирования является насильственное вмешательство в развитие и структуру украинского языка, его внутреннюю жизнь и нормы <...> Такого рода политика была новшеством советской власти, управляемой русскими. Ранее поляки (на западноукраинских территориях) и царская Россия довольствовались внешним давлением на украинский язык, запретами или ограничениями его использования. Советская система, кроме применения классических средств языковой политики, вмешалась и в развитие языка. Это насильственное вмешательство затронуло все уровни языка: грамматику, лексику, терминологию и даже орфографию [Мельник, Черничко, 2010: 671].

Если обновление языка в XIX в. означало большой скачок по сравнению с предыдущими языковыми вариантами и при этом произошло не в рамках единого (национального) государства, а поэтому создало несколько вариантов, то советская эра только усугубила эту ситуацию. “Первое украинское правописание появилось в 1929 г. В лингвистической литературе его часто называют “скрипниківка”, поскольку его утвердил народный комиссар образования Николай Скрипник в 1928 г. Принятию правописания предшествовала кропотливая работа украинской интеллигенции, пытавшаяся унифицировать в одной системе правил разные подходы и точки зрения. Дискуссия продолжалась между приверженцами этимологического и фонетического принципов правописания. До этого много представителей интеллигенции (например, Пантелеймон Кулиш (1819–1897), Михаил Драгоманов, Евгений Желеховский (1844–1885)) предложили свои варианты правописания. Кроме индивидуальных вариантов во внимание приходилось брать и региональные (например, средненадднепрянские или галицкие) отличия в нормах правописания. На конференцию, проходившую в Харькове в 1927 г., поступило более 60 проектов правописания. На форуме были приняты новые правила правописания, опубликованные в 1929 г. Но правописание не укладывалось в советские планы языковой политики. Советская пропаганда заклеила новое украинское правописание, обвинив его разработчиков в том, что они насильственно хотят дистанцировать украинский язык от русского.

В 1933 г. был опубликован новый вариант правописания, который уже не служил дистанцированию украинского и русского языков и с которого были изъяты “националистические нормы, ориентирующие украинский язык в сторону польской и чешской буржуазной культуры”. Согласно советской языковой политике, только русский язык и культура могли служить желанным образцом для украинского языка и правописания. Приближение украинского правописания к русскому на этом не закончилось: в 1946, 1961 и, наконец, в 1990-х годах были опубликованы новые редакции правописания, приближающие нормы украинского правописания к русскому. “Советская языковая политика из лингвистического вопроса создала

¹¹ Шпорлюк Р. *Імперія та нації: з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі*. К., 2000. Текст доступен по адресу: http://www.ukrterra.com.ua/images/roman_shporliuk-impериa_ta_natsii.pdf.

политическую проблему, которую решила на идеологической основе” [Мельник, Черничко, 2010: 671]. “После провозглашения независимости в 1993 г. появился новый вариант украинского правописания, значительно отличающийся от предыдущих, русифицированных вариантов, но он не возвратился к нормам 1929 г.” [Мельник, Черничко, 2010: 671]. Вопрос “украинского языка” до сих пор является незакрытым.

Наследством Советского Союза являются и языковые отношения в бывших советских республиках, сегодня независимых государствах. Отличительной особенностью Украины является то, что нацменьшинства в стране – это не много этносов с небольшой численностью, а одно доминирующее меньшинство – русские, составляющее 80% от численности представителей всех меньшинств. Все другие меньшинства по отдельности не превышают 1%, например, венгров всего 0,3%, а все вместе (без русских) не достигают доли в 5%¹².

Численность русского меньшинства на Украине – община с 8 млн русских по национальности или 15 млн русскоязычных – превышает население некоторых европейских государств. Сегодня проблематика положения и роли русских, точнее русскоязычных, слишком политизирована, став частью политических игр как внутри страны, так и на международной арене [Арбеніна, 2007: 293–300]. Вопреки политическим страстям примечательно, что измерение уровня толерантности согласно шкале Богардуса показало большой уровень социальной приемлимости русских. Среди всех этносов, проживающих в стране, русские находятся на втором месте по уровню социальной приемлимости (непосредственно после украинцев) [Арбеніна, 2007: 293–300]. Результатом долгой совместной жизни стало формирование своеобразных структур идентичности и языковых моделей. С лингвистической точки зрения яркой особенностью является чрезвычайная распространенность “суржика” – смесь русского и украинского языков, на котором разговаривают 5–8 млн человек.

Для русских после распада СССР вызовом стало как национальное строительство в родной стране, так и переход в статус меньшинства в постсоветских государствах. Созданные на Украине русские организации пытались представлять интересы не только русских по национальности, но и русскоязычных, и носителей русской культуры в целом, и занимались преимущественно культурными вопросами. Политические вопросы русские организации сформировали только в Крыму – единственном регионе, где русские составляют большинство населения [Шевель, 2001. Vol. 7. № 1: 10–31]. Роль русских общественных организаций маргинальная, русские этнические партии не образовались в связи с тем, что русские – по национальности и/или по родному языку – политики полностью интегрировались в украинские структуры власти, поэтому нет необходимости в отдельных представителях-посредниках [Лойко, 2005: 245]. Как ни странно звучит, но для части украинских политиков, в том числе и национального направления на протяжении последних двадцати лет официальный украинский государственный язык – более или менее успешно усвоенный способ коммуникации, и процесс его изучения напрямую был связан с политической карьерой.

¹² Державний комітет статистики України. Текст доступен по адресу: www.perepis2002.ru/index.html?id=87; www.ukrstat.gov.ua/.

При таких обстоятельствах украинское национальное строительство, консолидация государства на национальной базе принесла больше проблем, чем успешных решений. В научной литературе преобладает мнение, что независимость Украины является не столько успехом национального движения, сколько результатом распада Советского Союза. Политическая элита – как посткоммунистическая партийная элита, унаследовавшая власть, так и противостоящая ей так называемая национальная элита – не смогла достичь консенсуса в вопросе, что такое нация¹³. Политические партии в действительности представляют не национальные интересы, а превращают в политический капитал региональные особенности: на востоке это сильная экономика, а на западе – националистическая риторика.

Подводя итог двух последних десятилетий, можно выделить две основные точки зрения. Согласно одной, на Украине реальной является возможность модели государственной нации, которая предполагает наподобие некоторых европейских стран две нации, два государственных языка и гармоническое взаимодействие автономных регионов [Миллер, 1997. Т. 2. № 2]. Согласно второй точке зрения, такая модель нежизнеспособна из-за схождения двух культур и географической близости России, где часть политиков регулярно подвергают сомнению, например, существование украинцев как отдельного этноса [Екельчик, 2010: 286–288]. Закон “О языках в Украинской ССР” (1989), объединив понятия языка и нации, однозначно определил путь односторонней украинизации общества. Оба первых президента, Леонид Кравчук (1991–1994 гг.) и Леонид Кучма (1994–2004 гг.), представляли принцип, согласно которому базовым признаком нации есть язык. Принятая в 1996 году Конституция провозгласила один государственный язык – Кучма таким образом отошел от своего обещания, принесшее ему успех на выборах. Парадоксальность ситуации в том, что “национальный” Виктор Ющенко (2005–2010) оказался менее успешным в украинизации, чем его предшественники. Подтверждением этого является факт, что именно в этот период смогла окрепнуть Партия регионов, открыто декларирующая двуязычие¹⁴.

На кажущейся национальным государством Украине языковые отношения очень сложные. Речь идёт о стране, которая раньше не имела опыта самостоятельной государственности, и эта особенность стала решающим фактором в языковой сфере. Национализация, прошедшая в странах Западной Европы в XVIII–XIX веках, для украинцев не имела шансов вследствие отсутствия единой государственной территории. Литературный украинский язык, сформировавшийся из разных диалектов, а также национальная идея, став популярной во второй половине XIX века, оказались успешной программой, но без унифицирующего эффекта. В советскую эру унификация оказавшихся в одной стране регионов с разным историческим прошлым – в том числе с разной ментальностью, социализацией – произошла в интересах не украинского, а “языка межэтнического общения” – русского. С этим наследством Украина не справилась до сих пор. Поэтому любое решение, касающееся определенного меньшинства, тесно

¹³ *Зімон Г.* Демократія і нація. Демократія і загрози. // Україна: процеси націотворення. С. 345.

¹⁴ *Бестерс-Дільгер Ю.* Нація та мова після 1991 року – українська та російська в мовному конфлікті. // Україна: процеси націотворення. С. 353–361.

связано с русским вопросом: кто защищает украинский язык и украинские национальные интересы, тех обвиняют в “антирусскости”, а по-настоящему страдают все другие – как мы уже отмечали, довольно малочисленные – нацменьшинства. Те их представители, кто пытается найти решение с точки зрения русского вопроса, также становятся объектом обвинений в “антипатриотизме”. Понятно почему: русские настолько многочисленнее всех других меньшинств и настолько близки по численности к титульной нации, что объявление русского языка региональным фактически делает ненужным государственный язык на значительной территории страны. Неспособность разрешить эту ситуацию является причиной большинства политических бурь. Когда нацменьшинства хотят вмешаться в эту игру, о равных условиях говорить не приходится [Fedines, 2013. Vol. 10: 69–95].

Принятый в 2012 г. при непростых обстоятельствах закон “Об основах государственной языковой политики” однозначно называет и русинский язык. Пункт 2 статьи 7 гласит: “В контексте Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств к региональным языкам или языкам меньшинств Украины, к которым применяются меры, направленные на использование региональных языков или языков меньшинств, предусмотренные в настоящем Законе, отнесены языки: русский, белорусский, болгарский, армянский, гагаузский, идиш, крымскотатарский, молдавский, немецкий, новогреческий, польский, ромский, румынский, словацкий, венгерский, русинский, караимский, крымчакский”. Пункт 3: “К каждому языку, определенному в части второй настоящей статьи, применяются меры, направленные на использование региональных языков или языков меньшинств, предусмотренные в настоящем Законе, при условии, если количество лиц – носителей языка, проживающих на территории, на которой распространен данный язык, составляет 10 процентов и более численности её населения” [Товт, Черничко, 2013: 25–28].

Эксперты, выступающие против этого закона, указывают на опасность “белорусского пути” для украинцев. В соседней стране действительно белорусский язык использует менее 5% населения, а это поддает опасности не только язык, но и само существование белорусской нации. Надо различать понятия “родного языка” и “используемого языка”, в таком случае Европейская хартия региональных языков, защищая русский язык на территории Украины, защищает язык, который используют люди, считающие себя украинцами, причём часть их разговаривает исключительно на русском. А это поддает опасности существование украинского языка и украинской нации. Эти опасения усиливаются тем, что популяризаторы закона представляют русские культурные круги¹⁵. Статус регионального языка делает излишним изучение украинского, к тому же проблема усугубляется тем, что часть населения страны не владеет государственным языком, а при таких обстоятельствах маловероятно, что ситуация изменится в позитивную сторону. Таким образом, напрашивается вывод, что пока государственный язык не заполнит основные функции, до той поры языки нацменьшинств являются опасными для государственного языка, а не наоборот [Воропаева, 2012. Вип. 9: 28–36].

¹⁵ Мозер М. За теперішніх обставин офіційна “одномовність”, як не парадоксально, є важливою передумовою для фактичної багатомовності країни. 14 червня 2012. Текст доступен по адресу: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/ukrayinska-mova>.

Согласно данным опроса, проведённого Киевским международным институтом социологии в феврале–марте 2013 г., 18,6% населения страны исключили бы русский из числа используемых языков, а 27,5% поддерживают статус русского как второго государственного языка, 46,6% приветствуют предоставление русскому языку статуса регионального. Всего 6,8% респондентов не смогли определиться, а 0,5% не пожелали отвечать. В случае проведения референдума 38,4% поддержали бы присоединение к Европейскому Союзу, а 37,9% – союз России – Белоруссии – Украины, 11% не приняло бы участия в таком голосовании, 12% не ответило на вопрос¹⁶. Схожие опросы свидетельствуют, что в западной части страны мнения наиболее едины, а в центральной и особенно восточной части страны разброс уже намного больше – как раз на тех территориях, которые самое долгое время находились в составе Российской, а потом советской империи [Кулик, 2012. № 10]. В декабре 2013 г. органы местного самоуправления трёх закарпатских поселений приняли решение о предоставлении русинскому языку статуса регионального на основании закона “Об основах государственной языковой политики”¹⁷.

Разворачивающиеся события в конце ноября 2013 г. коренным образом изменили ситуацию в стране. Г. Касьянов охарактеризовал 1990-е годы так: “Интеграция национальных меньшинств в политическую нацию оставалась делом будущего” [Касьянов, 2012: 18]. Этот вопрос сегодня стоит таким же образом.

Список литературы

- Арбеніна В. Росіяни в Україні: соціальний статус, самопочуття, процес інтеграції в Українську націю. // Етносоціологія. Навчальний посібник. Харків, 2007. С. 293–300.
- Бенеш Э. Речь о Подкарпаторусской проблеме. Ужгород, 1934.
- Бестерс-Дильгер Ю. Нація та мова після 1991 року – українська та російська в мовному конфлікті. // Україна: процеси націотворення. С. 353–361.
- Воропаєва Т. Мова, ідентичність і толерантність в контексті імплементації Європейської Хартії регіональних мов або мов меншин в Україні. // Українознавчий альманах. Київ – Мелитополь, 2012. Вип. 9. С. 28–36.
- Грицак Я. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст. К., 1996. С. 44.
- Грушевський М. Галичина і Україна // Націоналізм. Антологія. К., 2000. С. 180–187.
- Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. К., 1991. С. 103.
- Екельчик С. История Украины. Становление современной нации. К., 2010. С. 21.
- Зімон І. Демократія і нація. Демократія і загрози. // Україна: процеси націотворення. С. 345.
- Касьянов Г. “Хто такі українці і чого вони хочуть”: проблема формування нації. // Життєвий простір України: політичний та гуманітарний виміри (1991–2010 роки): Збірник наукових статей. К., 2012. С. 18.
- Конституція Української Народної Республіки. (Статут про державний устрій, права і вільності УНР.). Текст доступен по адресу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0002300-18> (здесь и далее дата последнего посещения 6.IX.2015).
- Кулик В. Мовна карта і громадська думка. // Дзеркало тижня. 2012. № 10. (17–23 березня.)

¹⁶ Думки населення України щодо зовнішньої політики та мовного питання. Київський міжнародний інститут соціології. Текст доступен по адресу: www.kiis.com.ua/materials/pr/20130321_ForAff/foreign_affairs.pdf.

¹⁷ Regionális nyelv lett a ruszin Kárpátalja néhány községében. Karpatalja.ma. Текст доступен по адресу www.karpatalja.ma/karpatalja/kozelet/24199-regionalis-nyelv-lett-a-ruszin-karpatalja-nehany-kozsegeben.

- Лойко Л. Громадські організації етнічних меншин України: природа, легітимність, діяльність. К., 2005. С. 245.
- Магрович П.Р. История Украины: Страна и её люди. Второе издание. Университет Торонто., 2010.
- Магрович П. Р. Картография безгосударственных народов: Восточные славяне Карпат // Канадская Славянская газета. 1997. Н 3–4. П. 301–334.
- Магочій П. Р. Русинська нація? // Україна. Процеси націотворення / Упорядник А. Каппелер. К., 2011. С. 258–267.
- Магочій П. Р. Україна: історія її земель та народів. Ужгород, 2012.
- Мазурок О., Пеняк П., Шевера М. Володимир Вернадський про Угорську Русь. Ужгород, 2003. С. 13.
- Мельник С., Черничко С. Особливості радянської мовної політики на Закарпатті (1945–1991) // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура / Упорядники М. Вегеш, Ч. Фединець. Ужгород, 2010. С. 670.
- Миллер А.И. Украина как национализирующееся государство. // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 2.
- Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000. С. 231.
- Мозер М. За теперішніх обставин офіційна “одномовність”, як не парадоксально, є важливою передумовою для фактичної багатомовності країни. 14 червня 2012. Текст доступен по адресу: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/ukrayinska-mova>.
- Товт М., Черничко С. Научно-практический комментарий Закона Украины “Об основах государственной языковой политики” (с приложениями). К., 2013. С. 25–28.
- Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 50. К., 1986. С. 254.
- Химинец Ю. Мої спостереження із Закарпаття. New York, 1984. С. 3.
- Химка Дж.-П. Строительство национальности в Галицкой Руси: Полёт Икара практически по всем направлениям // Интеллигенция и артикуляции нации / под ред. Р. Г. Суни, М. Д. Кеннеди. Анн Арбор, 1999. С. 150.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 121–145.
- Черничко С., Фединець Ч. Наш місцевий Вавилон. Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині ХХ ст. (до 1944 року). Ужгород, 2014. С. 67–90.
- Фединець Ч. Место Украины в Европе и два десятилетия венгеро-украинских отношений. // Внешнеполитический Обзор. 2013. Вып. 10. П. 69–95.
- Шевель О. Кримські татари та українська держава: питання політики, правозастосування та значення риторики. // Кримські студії. 2001. Vol. 7. N 1. Р. 10–31.
- Шпорлюк Р. Імперія та нації: з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі. К., 2000. Текст доступен по адресу: http://www.ukrterra.com.ua/images/roman_shporliuk-impriia_ta_natsii.pdf.

References

- Arbenina V. (2007) Rosiyani v Ukraine: sotsialniy status, samopochuttya, protses integratsii v Ukrainsku natsiyu. // Etnosotsiologiya. Navchalniy posibnik. Harkiv, 2007. S. 293–300.
- Benesh E. (1934) Rech o Podkarpatorusskoy probleme. Uzhgorod, 1934.
- Besters-Dil'ger Yu. Natsiya ta mova pislya 1991 roku – ukrainska ta rosiyska v movnomu konflikti. // UkraYina: protsesi natsiotvorennya. S. 353–361.
- Voropaeva T. (2012) Mova, Identichnist i tolerantnist v konteksti Implementatsii Evropeyskoi Hartlii regionalnih mov abo mov menshin v Ukrainie. // Ukrainoznavchiy almanah. Kiyiv – Melitopol, 2012. Vip. 9. S. 28–36.
- Gritsak Ya. (1996) Naris Istoriyi Ukrayini: formuvannya modernoyi ukrayinskoyi natsiyi XIX–XX st. K., 1996. S. 44.
- Grushevskiy M. (2000) Galichina i Ukrayina // Natsionalizm. Antologiya. K., 2000. S. 180–187.
- Grushevskiy M. (1991) Hto taki ukrayintsi i chogo voni hochut. K., 1991. S. 103.
- Ekelchik S. (2010) Istoriya Ukrainyi. Stanovlenie sovremennoy natsii. K., 2010. S. 21.
- Zimon G. Demokratiya i natsiya. Demokratiya i zagrozi. // Ukrayina: protsesi natsiotvorennya. S. 345.

Kasyanov G. (2012) "Hto taki ukrayintsi i chogo voni hochut": problema formuvannya natsiyi. // Zhitte-viy prostir Ukrainy: politichniy ta humanitarniy vimiri (1991–2010 roki): Zbirnik naukovih statey. K., 2012. S. 18.

Konstitutsiya Ukrainyinskoyi Narodnoyi Respubliki. (Statut pro derzhavniy ustroy, prava i vilnostI UNR.). Tekst dostupen po adresu: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0002300-18> (zdes i dalee data poslednego posescheniya 6.IX.2015).

Kulik V. (2012) Movna kartai gromadska dumka. // Dzerkalo tizhnya. 2012. # 10. (17–23 berezhnya.)

Loyko L. (2005) Gromadski organizatsiyi etnichnih menshin Ukrainy: priroda, legitimnist, diyalnist. K., 2005. S. 245.

Magrochi P.R. (2010) Istoriya Ukrainy: Strana i ee lyudi. Vtoroe izdanie., Universitet Toronto., 2010.

Magrochi P. R. (1997) Kartografiya bezgosudarstvennyih narodov: Vostochnyie slavyane Karpat // Kanadskaya Slavyanskaya gazeta. 1997. N 3–4. P. 301–334.

Magochi P. R. (2011) Rusinska natsiya? // Ukrayina. Protsesi natsiotvorenniya / Uporyadnik A. Kappeler. K., 2011. S. 258–267.

Magochi P. R. (2012) Ukrayina: Istoriya ii zemel ta narodiv. Uzhgorod, 2012.

Mazurok O., Penyak P., Shevera M. (2003) Volodimir Vernadskiy pro Ugorsku Rus. Uzhgorod, 2003. S. 13.

Melnik S., Chernichko S. (2010) Osoblivosti radyanskoyi movnoyi polItiki na Zakarpatti (1945–1991) // Zakarpattya 1919–2009 rokiv: Istoriya, polItika, kultura / Uporyadniki M. Vegesh, Ch. Fedinets. Uzhgorod, 2010. S. 670.

Miller A.I. (1997) Ukraina kak natsionaliziruyuscheesya gosudarstvo. // Pro et Contra. 1997. T. 2. № 2.

Miller A.I. (2000) Ukrainskiy vopros v politike vlastey i russkom obschestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka). SPb., 2000. S. 231.

Mozer M. Za teperishnIh obstavin ofItsIyna "odnomovniIst", yak ne paradoksalno, E vazhliyoyu peredumovoyu dlya faktichnoyi bagatomovnosti krainyini. 14 chervnya 2012. Tekst dostupen po adresu: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/ukrayinska-mova>.

Tovt M., Chernichko S. (2013) Nauchno-prakticheskiy kommentariy Zakona Ukrainy "Ob osnovah gosudarstvennoy yazyikovoy politiki" (s prilozheniyami). K., 2013. S. 25–28.

Franko I. (1986) Zibrannya tvoriv: u 50 t. T. 50. K., 1986. S. 254.

Himinets Yu. (1984) Moyi sposterezheniya iz Zakarpattya. New York, 1984. S. 3.

Himka Dzh.-P. (1999) Stroitelstvo natsionalnosti v Galitskoy Rusi: Polet Ikara prakticheski po vsem napravleniyam // Intelligentsiya i artikulyatsii natsii / pod red. R. G. Suni, M. D. Kennedi. Ann Arbor, 1999. S. 150.

Hroh M. (2002) Ot natsionalnyih dvizheniy k polnostyu sformirovavsheesya natsii: protsess stroitelstva natsiy v Evrope. // Natsii i natsionalizm / B. Anderson, O. Bauer, M. Hroh i dr. M., 2002. S. 121–145.

Chernichko S., Fedinets Ch. (2014) Nash mistseviy Vavilon. Istoriya movnoyi polItiki na teritoriyi suchasnogo Zakarpattya u pershly polovini HH st. (do 1944 roku). Uzhgorod, 2014. S. 67–90.

Fedinets Ch. (2013) Mesto Ukrainy v Evrope i dva desyatiletiya vengero-ukrainskih otnosheniy. // Vneshnepoliticheskiy Obzor. 2013. Vyip. 10. P. 69–95.

Shevel O. (2001) Krimski tatar i ta ukrayinska derzhava: pitannya politiki, pravozastosuvannya ta znachennya ritoriki. // Krimski studiyi. 2001. Vol. 7. N 1. P. 10–31.

Shporlyuk R. (2000) Imperiya ta natsiyi: z istorichnogo dosvidu Ukrainy, Rosiyi, Polschi ta Bilorusi. K., 2000. Tekst dostupen po adresu: http://www.ukrterra.com.ua/images/roman_shporliuk-imperia_ta_natsii.pdf.

SOME LINGUISTIC AND POLITICAL ASPECTS OF RUTHENE-UKRAINIAN DISCOURSE

Author. Fedinec Csilla. PhD, Senior Research Fellow, Institute for Minority Studies of the Centre for Social Sciences, Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary). **Address:** 1014 Budapest, Országház st. 30. **E-mail:** fedinec.csilla@tk.mta.hu

Abstract. From the language policy point of view, there are several issues related to Ukrainian and Ruthene languages that can be only answered in the broader political and historical context. Contrary to the

West European “one language–one state” model, language and nation were not so clearly and directly connected in the multilingual and multinational empires of Eastern and Central Europe. However, from the beginning of the 19th century – together with the national and linguistic movements strongly connected to the European Romanticism – political movements appeared within the minorities of the empires that focused on language issues. The codification of the literary language went hand in hand with strengthening of national status. The issue of the Ukrainian-Ruthene language or dialect was intertwined with the issue of national independence. In the absence of statehood, the instruments of self-definition are linguistic-cultural ones, which remains the key point even after the appearance of the independent Ukrainian state. The author investigates the Ruthene-Ukrainian problem in three stages: from Enlightenment to World War I, from World War I to the disintegration of the Soviet Union, and from 1991 to the present day.

Key words: Ruthene or Ukrainian language, discourse on languages, language policy.
